

лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предшествующего периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., Госполитиздат, 1948, стр. 429).

С развитием земледелия, появлением общественного разделения труда и частной собственности в первобытном обществе происходит имущественное расслоение. Вожди и жрецы начинают пользоваться особым покровительством религии; некоторые религиозные институты превращаются в источники их обогащения. Один из таких обычаев показан на картине «Наложение табу полинезийским вождом». Полинезийский вождь мог наложить табу на землю, кокосовую рощу и т. д., которые после этого становились его собственностью. Опорой вождям служили тайные религиозные союзы; рисунок «Союз дук-дук в Меланезии» изображает членов одного из таких союзов. При их помощи вождь контролировал жизнь общины, вмешиваясь во все ее дела. В руках вождей союзы постепенно превратились в орудие угнетения и закабаления сородичей.

В эпоху разложения первобытно-общинного строя религия начинает освящать захватнические, грабительские войны. Объектами культа становятся кровожадные боги войны. Полинезийский рисунок «Бог войны» передает нам образ этого божества. Внимание посетителей выставки неизменно привлекает большая картина «Человеческое жертвоприношение на островах Таятии». С целью умиловить созданных его воображением духов и богов человек стал приносить им жертвы. Вначале это были еда и различные предметы, затем животные и, наконец, в жертву богам стали приносить людей. Рисунки, изображающие человеческие жертвоприношения, свидетельствуют о том, что этот обычай был известен многим народам мира. Материалы раздела показывают, что религия с самого начала играла реакционную роль; она тормозила развитие производительных сил, направляла усилия людей по ложному пути, укрепляла их бессилие перед природой.

Заключительный раздел — «Религиозные пережитки и их вред» содержит экспонаты и тексты, показывающие, что отдельные пережитки древнейших религиозных верований, которые еще продолжают удерживаться в сознании некоторой части советских людей, играют вредную, тормозящую роль, являются препятствием на пути нашего движения вперед, к построению коммунистического общества. В СССР давно подорваны социальные корни, порождающие и питающие религию: навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком, придавленность и угнетенность широких народных масс, нищета, голод, безработица. Подавляющее большинство советских людей полностью освободилось от влияния религиозной идеологии. Выдержки из постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. говорят о коренной противоположности научного и религиозного мировоззрений, о задачах научно-атеистической пропаганды, которая является составной частью коммунистического воспитания трудящихся.

Летом 1958 г. выставка «Происхождение религии» демонстрировалась в парке г. Пушкина, где ее осмотрело около 70 тыс. человек. На базе выставки был проведен цикл лекций на научно-атеистические темы. Посетители выставки оставили в книге пожеланий хорошие отзывы о ее содержании и оформлении. Выражая благодарность дирекции Музея истории религии и атеизма АН СССР и дирекции Музея антропологии и этнографии АН СССР за создание этой выставки, администрация парков г. Пушкина пишет, что выставка оказала им большую помощь в развертывании научно-атеистической пропаганды. По окончании летнего сезона выставка была перенесена в Дом офицеров г. Кронштадта, где функционировала несколько месяцев, вызывая большой интерес у многочисленных посетителей. Весной 1959 г. выставка будет развернута на одном из двorcов культуры Ленинграда.

М. С. Бутинов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОПЕНГАГЕНЕ ПО АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ АРКТИКИ

19—22 мая 1958 г. в Копенгагене состоялась первая конференция по вопросам археологии, этнографии и антропологии Арктики. Конференция была организована по инициативе Датского Национального музея. Основной научной задачей конференции по мысли ее устроителей, было подведение общих итогов исследования арктических стран и Субарктики в археологическом, этнографическом и антропологическом отношении и, в соответствии с этим, согласование планов дальнейших исследований в этих областях. Предполагалось также, что работа конференции должна привести к восстановлению международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики, организованного еще в 1938 г. по инициативе датских и советских ученых, но не развернувшего своей деятельности вследствие второй мировой войны.

Примерно за месяц до конференции советские делегаты получили предложение выступить с докладами по общим вопросам работы конференции. В соответствии с

предложенными темами были подготовлены следующие доклады: А. П. Окладников — «Проблемы археологии советской Арктики», М. Г. Левин — «Проблемы этнографии и этногенеза народов Арктики», Г. Ф. Дебец — «Проблемы антропологии Арктики».

Советская делегация в составе члена-корр. АН СССР С. П. Толстова (руководитель делегации), д-ров исторических наук А. П. Окладникова и М. Г. Левина, д-ра биологических наук Г. Ф. Дебеца прибыла в Копенгаген 17 мая. В тот же день она была принята организатором конференции, заведующим Этнографическим отделом музея, известным исследователем эскимосов д-ром К. Биркет-Смитом.

В работе конференции, происходившей в помещении Датского Национального музея, участвовали, кроме перечисленных советских ученых, следующие видные исследователи Арктики: Р.-С. Мак-Ниш (Канада), Кай Биркет-Смит, Эрик Хольтвед, Айгиль Кнут, Хельге Ларсен, Йорген Мельгорд (Дания); Ауво Гиршярви, Хельмер Тегенгрэн

Рис. 1. Улица в Копенгагене

(Финляндия); Гуторм Ессинг, Р. Симонсен (Норвегия); Сверкер Янсон, Карл-Аксель Моберг (Швеция); Генри Коллинз, Я.-Л. Гиддингс, Эльмер Харп, Фр. Рейни, Ивар Скарланд (Соединенные Штаты). В качестве наблюдателя присутствовал Х.-Г. Банди (Швейцария).

На открытии конференции после вступительной речи проф. Биркет-Смита с приветствием от советских ученых выступил С. П. Толстов. Советская делегация при этом передала в подарок Датскому Национальному музею некоторые новые советские издания по археологии и этнографии, а также муляжи предметов из Уэленского могильника на Чукотке, который раскапывался экспедицией Института этнографии в 1957 г. Кроме того, им было сообщено, что Институт истории материальной культуры АН СССР подготовлена к передаче Музею в обмен на древние эскимосские коллекции из Гренландии большая коллекция материалов из неолитических погребений долины р. Ангары (исаковского, серовского, китойского и глазковского этапов).

На первом заседании был заслушан доклад д-ра Хельге Ларсена (Дания) о результатах последних раскопок в Гренландии. Раскопки эти проводились в широком масштабе и привели к открытию ряда древних культур. Наиболее древней в Гренландии является культура Индепенденс I, открытая Айгилем Кнутом в самой северной части Гренландии, на Земле Пири и южнее. Для этой культуры характерны кремневые изделия в виде односторонних и двусторонне обработанных резцов, двусторонне ретушированных наконечников, концевых скребков и микросколов, снятых с подготовленных ретушью ядрищ. Жилищами служили круглые в плане хижины с очагом посредине. Эти поселения расположены на террасах высотой 12—20 м над морем. Судя по плавнику на этих террасах, А. Кнут полагает, что климат тогда был теплее. Радиоуглеродный (C_{14}) анализ плавника дал для этих поселений дату 3840 ± 170 ; таким образом, первоначальное заселение Гренландии можно отнести ко времени около 2000 г. до н. э.

На террасах высотой 5—6 м над морем А. Кнут нашел следы другой культуры — Индепенденс II. Возраст ее, по данным анализа C_{14} , равен 2830 ± 130 лет. Она, по мнению А. Кнута, является не преемницей старой культуры Индепенденс I, а результатом новой, второй миграции. Для этой культуры харак-

терны двусторонне оббитые ножи и наконечники с выемками у основания, вкладки лезвия для костяных наконечников копий, микропластинки, наконечники гарпунов типа Дорсет. Резцов здесь нет совершенно. Остатки жилищ имеют вид эллиптических выкладок из камней, с оригинальными очагами из тонких плит. Судя по наконечникам гарпунов и наличию выемчатых лезвий, эта культура представляет собой, по мнению докладчика, стадию культуры Дорсет. Это подтверждают находки Йоргена Мельгорда, обнаружившего такие же изделия в типичных комплексах культуры Дорсет в районе Иглулик.

Следующая по времени культура Саркак лучше всего известна на западе Гренландии, в районе бухты Диско. В отличие от жилищ палеоэскимосской культуры северной Гренландии поселения культуры Саркак расположены у самой воды. Часть их даже размыта морскими волнами. Большинство изделий, найденных на поселениях (а их известны тысячи), изготовлено из кремнистого сланца (ангмат). Среди них наиболее типичны миниатюрные резцы и отщепы, получившиеся в результате «оживления» их краев. Имеются и двусторонне ретушированные узкие симметричные острия, служившие наконечниками стрел и копий. У многих из них тонкозубчатые края. Кроме того, найдены некоторые виды концевых и боковых скребков, в том числе очень специфические по форме боковые скребки с широким основанием, каменные лампы и ножи с поперечным краем. По данным анализа C_{14} , поселения типа Саркак датируются 600—800 гг. до н. э., т. е. одновременны или несколько моложе культуры Индепенденс II.

Другая фаза культуры Дорсет обнаружена на западе и востоке Гренландии. Ее следы встречаются часто там же, где находятся поселения культуры Саркак, а иногда даже их следы смешаны. Наиболее известное поселение — Сермермиут, где остатки обеих культур находятся в стратифицированных отложениях кухонных куч. Остатки культуры Саркак лежат здесь внизу, а выше обнаружены остатки культуры Дорсет. Культура Дорсет, по данным анализа C_{14} , на 600—800 лет моложе, т. е. относится к началу нашей эры. Не исключено поэтому, что культура Дорсет в районе бухты Диско является позднейшим ответвлением культуры Индепенденс II.

Материалы, свидетельствующие, по мнению докладчика, о следующей миграции, обнаружены в районе Туле. Их нашел сначала Лауге Кох, а затем Эрик Хольтвед на Земле Ингльфилд. Это — предметы, классические для культуры Дорсет четвертого периода по схеме Й. Мельгорда, разработанной для района Иглулика. Внедрение этой культуры было связано с последней миграцией так называемых палеоэскимосов. Затем следует волна неозскимосов, носителей арктической культуры охотников на кита. Этот культурный комплекс возник на берегах Берингова пролива и представляет собой результат специального приспособления его носителей к морю и к охоте на морского зверя, в особенности — кита. Э. Хольтвед, обнаруживший наиболее ранние следы культуры Туле, полагает, что первая миграция народа — носителя этой культуры имела место в XII в. н. э., и последующие ее волны шли позже, вплоть до половины XIX в. При этом могло иметь место локальное развитие, осложняемое культурным контактом с племенами востока и юга. История развития и общий облик ранней, палеоэскимосской культуры, ставшей известной в последние годы, все еще остаются недостаточно ясными. Развитие неозскимосской культуры, напротив, с большей полнотой раскрыто Г. Матиасеном, который проследил ее эволюцию от чистой культуры Туле (в ее особой гренландской стадии — Инугсуэк) к современной эскимосской культуре. Для освещения основных проблем палеоэскимосской культуры необходимо сравнительное изучение ее памятников с памятниками района Иглулик, где Й. Мельгорд открыл поселения на террасах высотой 50 м над уровнем моря, Канады (комплекс Нью-Мунтен обнаруженный исследованиями Мак-Ниша) и с «кремневым комплексом Денби» на Аляске.

Что касается культуры Саркак, то о ее связях с внешним миром вне Гренландии еще ничего не известно, хотя большинство типов орудий имеет параллели на Аляске. Однако в промежуточных районах известны лишь единичные находки (например, находки Я.-Л. Гиддингса на Найф-Ривер). Что же касается неозскимосской культуры Гренландии, то, по мнению Х. Ларсена, она тоже имеет свои корни на американском континенте. В общем же эскимосская культура распространялась в Гренландии не только из Аляски, но и из Лабрадора. Но еще дальше ее истоки следует искать, по мнению Х. Ларсена, в Азии и через Азию в Европе, о чем свидетельствуют два таких элемента, как резцы, а также ядрища и пластинки (The burin and flake industry). Истоки их, полагает Х. Ларсен, следует искать в циркумполярном каменном веке, о котором писал Г. Ессинг.

Канадский археолог д-р Мак-Ниш доложил о раскопках в Канаде, где также были открыты за последние годы многочисленные археологические памятники, в том числе многослойные поселения на Фёрст-Ривер, позволяющие представить последовательную смену древних культур. Одним из важнейших открытий на севере Канады является обнаружение остатков культуры, предшествующей «комплексу Денби». Возраст ее, по данным радиоуглеродного анализа, равен 4800 лет (т. е. около 2800 г. до н. э.), тогда как культура Денби датируется по тому же методу тысячей лет позже (3800 лет тому назад). Для этой древнейшей культуры характерны традиции, связывающие ее с культурой Юма внутренней Америки (острия типа юма с широким черешком). Культура Денби представляет собою палеоэскимосскую культурную традицию. Затем в многослойных отложениях на Фёрст-Ривер следуют более поздние памятники.

ники с «ложнотекстильной» керамикой (датируются временем около начала нашей эры, т. е. 1800 лет тому назад) и, наконец, неозкисмосская культура Туле.

Доклад американского археолога д-ра Я.-Л. Гиддингса был посвящен археологии Аляски. Доклад был интересен не только новыми материалами, но и постановкой общих вопросов археологии американского Севера.

Хотя археология Аляски изучена еще в очень недостаточной степени, здесь можно, по мнению Гиддингса, выделить несколько культурных областей. Археология Тихоокеанского побережья обнаруживает связи с областью Орегона, уходящие в очень отдаленное прошлое. Инвентарь древних памятников внутренних областей Аляски представлен почти исключительно кремневыми формами, включающими микролитические пластинки и резцы, и связывается, с одной стороны, с восточными районами (с Канадой), с другой, — с комплексами Берингова пролива и далее — с неолитическими культурами Сибири.

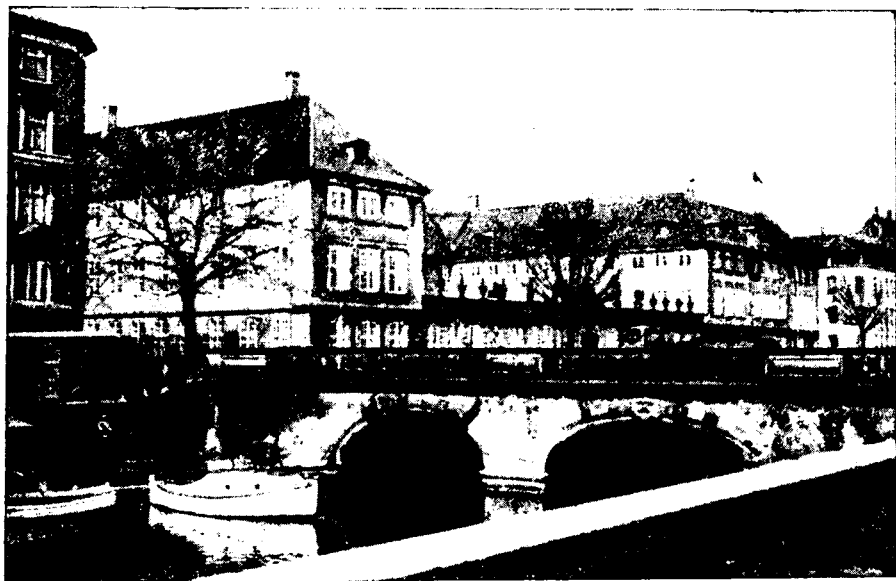

Рис. 2. Уголок Копенгагена. На заднем плане Датский Национальный музей

Самостоятельной и очень важной культурной областью является район Берингова пролива, где можно предполагать непрерывное развитие культуры на протяжении очень длительного времени. Интересной иллюстрацией к докладу Гиддингса явилась созданная им сводная таблица по хронологии арктических памятников по обе стороны Берингова пролива. Таблица эта, разработанная с учетом результатов радиоуглеродного анализа, ценна тем, что представляет собой первую и наглядную по форме попытку синхронизации археологических материалов этой обширной территории.

Вечером 19 мая состоялся официальный прием в музее. Директор музея проф. Брэнстед приветствовал делегатов. Тогда же делегатам был показан Отдел Арктики, замечательный богатством своих этнографических и археологических коллекций, особенно по эскимосам и американским индейцам.

Большой интерес представляют материалы раскопок в Гренландии, северной Канаде и Аляске. В Национальном музее хранятся и экспонированы материалы по культуре Туле, переданные экспедицией, работавшей в 1920-х годах под руководством известного исследователя эскимосской археологии и этнографии Матиассена, значительная часть инвентаря из древнего поселения Илиутак на мысе Хоп (Аляска) и ряд других. Нет сомнения в том, что каждый исследователь, работающий по этнографии и археологии Арктики, должен иметь возможность поработать в этом отделе.

Утреннее заседание 20 мая было посвящено докладам советских делегатов М. Г. Левина и А. П. Окладникова. После перерыва был прочитан доклад Г. Ф. Дебеца.

В докладе А. П. Окладникова «Археология советской Арктики, итоги и проблемы» было освещено общее положение археологических исследований в советской Арктике за последние сорок лет (Кольский полуостров, север Западной Сибири, Якутия, Чукотский полуостров). Докладчик констатировал, что наиболее древними следами человека на севере Европы являются мезолитические поселения Кольского полуострова, на востоке — позднелепольитические поселения средней Лены. В неолите здесь складывается ряд локальных культур. В эпоху бронзы и железа начинается общение северных

племен с южными (носителями андроновской и скифо-сарматской культур на западе, глазковской и иньско-чжоуской — на востоке). Может быть установлена также преемственная связь между носителями древних культур Севера и позднейшими этническими группами, например между эскимосами и носителями древних культур Берингова моря, тунгусо-маньчжурами и палеоазиатами Амура и неолитическим населением этой области. Особое же внимание было уделено проблеме южных связей древнеэскимосской культуры, и в частности проблеме влияния так называемой культуры раковинных куч Приморья на сложение неозэскимосской культуры. Докладчик отметил также необходимость расширения археологических исследований по истории русской колонизации Севера и ее значения для изменений в культуре коренного населения.

В докладе М. Г. Левина были рассмотрены вопросы классификации народов Севера и изложены принципы группировки по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Докладчик остановился также на проблеме историко-хронологического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии. Далее

Рис. 3. У входа в Датский Национальный музей

он коснулся проблемы происхождения эскимосов и древних связей северо-восточных палеоазиатов и эскимосов с народами самоедской группы, отметив особую важность изучения в этой связи культуры, языка и антропологического типа юкагиров. Докладчик наметил следующие общие положения, которые следует особо учитывать при изучении этногенетических процессов на Крайнем Севере: сравнительно позднее заселение человеком северных областей эйкумены, освоение которых требовало относительно высокого технического вооружения уже первоначальных насельников; малая плотность населения и значительная изолированность отдельных групп на Крайнем Севере, обусловленная направлением хозяйственной деятельности в специфической природной среде; постоянный, на протяжении тысячелетий, приток на Север новых этнических групп из более южных областей; проникновение к арктическим народам в разные исторические периоды элементов культуры их южных соседей.

В докладе Г. Ф. Дебеца были намечены основные задачи антропологического изучения арктических народов. Докладчик указал, что важнейшей проблемой антропологии Арктики является изучение влияния географической среды на организм человека. Известно, что некоторые народы арктических стран, физический тип которых существенно различается по многим важнейшим признакам, обладают, тем не менее, рядом сходных черт (например, высокая частота *torus palatinus* и *torus mandibularis* у лопарей и эскимосов). Необходимо распространить на все народы арктических стран исследования по изучению влияния холодного климата на пропорции тела, успешно начатые американскими исследователями. Условия жизни в Арктике характеризуются не только непосредственным влиянием холода, но и своеобразием пищевого режима. Одним из путей исследования в этом направлении является изучение морфологии зубов. Работы Мурриса по алеутам и Педерсена по эскимосам являются весьма перспективными в этом отношении. Весьма желательно организовать обмен слепками зубов различных северных народов, что дало бы возможность усилить роль сравнительного ме-

да в изучении этой проблемы. Существенной особенностью образа жизни в Арктике является малая плотность населения, что приводит к образованию большого количества мелких изолированных групп, изучение которых представляет выдающийся интерес не только для проблем антропологии Арктики. Из всего сказанного не следует, отметил докладчик, что надо прекратить работы по тем разделам антропологии Арктики, в которых достигнуты известные успехи: по краниологии, по морфологии мягких частей лица, по пигментации и пр. В частности вопрос о происхождении саамов (лопарей) может быть решен на основе специального изучения лопарских краниологических коллекций, хранящихся в музеях Финляндии и скандинавских стран, по программам, принятым теперь для изучения черепов народов СССР.

Изучение антропологии Арктики неразрывно связано с проблемой заселения Америки. Здесь одной из очередных задач является углубленное изучение мягких частей лица и покровов эскимосов по сравнению с соседними индейцами.

Наконец необходимо заполнить «белые пятна» на антропологической карте арктических стран, куда относится прежде всего область от Колымы до Енисея.

Обсуждение докладов советских ученых протекало в весьма дружественной обстановке.

На заседании 20 мая был заслушан также доклад норвежского ученого д-ра уторма Ессинга об общественном строе народов Арктики. Докладчик, оперируя материалами из области этнографии северных народов, пытался применить диффузионистский метод к изучению географического распределения социальных форм. По его мнению, для народов зоны тундры и Арктического побережья характерно наличие мелких семейных групп и преобладание билатерального счета родства, а для народов зоны айги — унилатеральная (клановая) система. Первая из них связана с большей мобильностью населения и социальным равенством, тогда как клановая система обнаруживает тенденцию к стабильности и часто связана с иерархической структурой общества. Доклад этот, содержавший ряд весьма спорных и неясных положений, не вызвал, однако, обсуждения, так как он не был представлен в письменном виде. (Следует отметить, что доклады советских ученых в английском переводе были размножены и переданы всем делегатам, а остальные доклады, хотя и не были размножены, но имелись в письменном виде.)

Вечером состоялся прием в Арктическом институте, основанном четыре года тому назад частично на средства государства, частично же — на средства, завещанные одним датским предпринимателем. Задачей Института является содействие различным исследованиям в Арктике, в первую очередь в Гренландии. Директором Института является сотрудник Национального музея д-р Х. Ларсен.

На приеме был прослушан доклад д-ра Хаммериха о проблемах эскимосского языкознания. Там же члены делегации познакомились с «патриархом эскимологии» — З. Талбицером, отпраздновавшим недавно свое 85-летие.

21 мая утром был прослушан доклад шведского археолога Карла-Акселя Моберга, посвященный итогам изучения каменного века в Скандинавии. По просьбе присутствующих М. Г. Левин сверх программы сообщил о раскопках Уэленского могильника на Чукотке.

Послеобеденное заседание было посвящено обсуждению и принятию резолюции. В общей части резолюции, предложенной советской делегацией, предусматривалось следующее.

Организация в составе международного конгресса по антропологии и этнографии международного комитета по антропологическому, археологическому и этнографическому исследованию Арктики, организация соответствующих национальных комитетов в Дании, Канаде, Норвегии, СССР, США, Швеции и Финляндии.

Созыв международных конференций, симпозиумов и других международных встреч ученых, работающих в области антропологии, археологии и этнографии Арктики и Субарктики, с привлечением лингвистов — специалистов по языкам северных народов.

Организация обмена музейными коллекциями и иллюстративными материалами между научными учреждениями разных стран, а также систематический обмен специальной литературой.

Организация международных публикаций материалов по археологии, этнографии, антропологии и языкам Севера, с постановкой ряда проблем, подлежащих дискуссии.

Координация в издании архивных материалов по Северу, охватывающих период от XVI до первой половины XIX в.

Содействие в обмене специалистами, работающими в научных учреждениях разных стран.

Проведение взаимных консультаций по вопросам, касающимся планирования научных исследований в Арктике и Субарктике.

Специальная часть резолюции касается задач исследований в отдельных районах Арктики, программы ближайших конференций и отражает предложения, выдвинутые в прослушанных на конференции докладах. В специальной части резолюции содержатся следующие рекомендации:

Обсудить на ближайшей конференции вопросы, связанные с унификацией терминологии и локальной хронологии археологических памятников в Арктике и Субарктике.

Обратить особое внимание на изучение влияния более южных культур на разви-

тне северных культурных типов, в частности исследовать связи между культурой До-сет и ранними культурами лесной зоны северо-восточной части Северной Америки.

Исследовать распространение палеоэскимосских культур в Гренландии и их отношение к соответствующим культурам Канады и Аляски.

Расширить раскопки на обоих берегах Берингова пролива, особенно в районе Юкона до полуострова Аляски.

Предпринять углубленное изучение юкагиров в антропологическом, этнографическом и лингвистическом отношении.

Исследовать связи между лопарями (саамами) и самоедами (ненцами).

Изучить связи между культурами неолита и бронзы в Скандинавии и СССР.

Предпринять обследование остатков древних русских поселений по берегу Ледовитого океана и на его островах.

Рис. 4. Группа делегатов конгресса во дворе Датского Национального музея.

Предпринять этно-социологическое изучение циркумполярных народов, в частности с точки зрения возможности объяснения явлений культурной диффузии.

Исследовать влияние климата на морфологию и физиологию северных народов, а также влияние факторов изоляции.

Предпринять широкие антропологические исследования северных народов, включающие изучение пигментации, мягких частей лица, групп крови, зубной системы; признавать первоочередными такие исследования в районе между Колымой и Енисеем.

При изучении проблем этногенеза сочетать антропологические, лингвистические и этнографические исследования.

Вечером 21 мая устроители конференции дали обед в честь делегатов конференции, на котором главы делегаций выступили с речами.

22 мая состоялась предусмотренная программой конференции экскурсия по северной Зеландии. Делегаты осмотрели знаменитый замок Кронборг близ города Хэльсингбёра и посетили местонахождения различных археологических памятников: дольменные курганы эпохи бронзы (1200—500 лет до н. э.), мезолитические стоянки близ Эриксхольма. На мезолитической стоянке была собрана небольшая коллекция каменного инвентаря, которая нами привезена и передана в Музей антропологии и этнографии АН СССР. В экскурсии приняли участие С. П. Толстов, М. Г. Левин и А. П. Окладников. Г. Ф. Дебец использовал это время, а также день накануне отъезда для работы в антропологической лаборатории Копенгагенского университета, где им были измерены нижние челюсти эскимосов и определена горизонтальная профилировка черепов из неолитических погребений Дании.

23 мая мы имели возможность продолжить осмотр Национального музея Дании. Это — один из крупнейших этнографических и археологических музеев мира. Он занимает огромное здание в центре города и располагает хорошими экспозиционными залами и обширным хранилищем. Исключительно богат отдел, посвященный археологии Дании. В нем экспонированы всемирно известные материалы по мезолиту Дании, памятники эпохи мезолита (маглемозе, эртёболле), богатые коллекции по неолиту

эпохе бронзы. Очень обширен отдел этнографии и археологии стран Востока; следует особо отметить коллекции по этнографии Китая и Японии и материалы из раскопок Датской экспедиции в Сирии (Хама). Интересна коллекция по поселениям норманов в Гренландии, где благодаря наличию вечной мерзлоты великолепно сохранились

Рис. 5. Дольмен

Рис. 6. Курганы эпохи бронзы

одежда, утварь и другой инвентарь. Значительная часть зал Музея отведена под экспозицию материалов по этнографии Дании. Здесь с большой полнотой представлены различные провинции страны, с характерными для них типами одежды, внутренним убранством жилища, предметами ремесла и т. д.

Мы имели возможность более подробно ознакомиться с коллекциями по своей специальности. С. П. Толстов ознакомился с коллекциями из раскопок в Хама, А. П. Окладников и М. Г. Левин — с неопубликованными археологическими коллекциями по Внутренней Монголии.

24 мая делегация покинула Копенгаген и в тот же день возвратилась в Москву.

Пребывание советской делегации нашло благожелательный отклик в датской прессе; газеты поместили интервью и портреты членов делегации.

Подводя итог работы конференции, надо признать ее весьма плодотворной. С полной очевидностью выявилось, что исследования советских ученых играют важную роль в антропологическом, археологическом и этнографическом изучении Арктики. Однако в настоящее время, когда американские, датские и канадские исследователи развернули широкие археологические работы на севере Америки, необходимо усилить темпы и интенсивность исследований в советской Арктике и Субарктике. Многие обширные и важные районы советского Севера в археологическом отношении совершенно не изучены, другие изучены крайне недостаточно. Вместе с тем открытые на Чукотке — и на побережье, и в глубинных районах — археологические памятники представляют очень большой интерес. Многого можно ждать от раскопок на Крайнем Севере Средней Сибири, где археологические работы совсем не проводились. Много пробелов в антропологическом изучении Севера. К исследованию групп крови у народов Севера мы приступили только в 1957 г. На Таймыре антропологические исследования вообще никогда не проводились. Недопустимым является положение с этнографическими коллекциями, сбор которых не производился в течение ряда лет.

Необходимо разработать программу широких комплексных исследований по археологии, этнографии и антропологии советской Арктики на ближайшие годы и обеспечить ее осуществление.

М. Г. Левин, А. П. Окладников

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ В КОРЕЕ ПОСЛЕ ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Корейская этнография имеет более короткую историю, чем другие области науки. Данные, накопленные этнографической наукой в годы владычества японского империализма, весьма незначительны. Если при господстве японской возницы и проводилась исследовательская работа, то она преследовала цель укрепить колониальную эксплуатацию корейского народа со стороны японского империализма.

Вследствие колониальной политики японского империализма, направленной на уничтожение национальных традиций, культура и быт корейского народа подвергались унижению и их развитие тормозилось. Японские законы запрещали употребление корейского языка в официальных сношениях и преподавание истории Кореи. Традиционные массовые народные гуляния и культурные развлечения, сложившиеся у корейцев за длительный исторический период, запрещались японскими властями. Чем дольше продолжалось владычество японского империализма, тем более усиливалась опасность искоренения корейской национальной культуры.

Лишь в результате освобождения нашей страны героической Советской Армией перед нами открылась новая эпоха развития и расцвета национальной культуры и народного быта, подавленных и поправленных в прошлом.

Перед научными работниками нашей страны встал важная задача — под знаменем патриотизма и пролетарского интернационализма, поддерживая политику нашей партии и правительства в отношении национальной культуры, исследовать и развивать лучшие культурные традиции прошлого.

Первоочередной задачей стояла работа по ликвидации вредной идеологии, оставшейся в области политики, экономики и культуры в результате японского колониального господства. Новая политическая обстановка и новые экономические условия жизни нашего народа настоятельно диктовали необходимость подготовки научных кадров в области этнографии. Нужно было начать сбор и научную разработку разбросанных и находящихся под спудом этнографических материалов.

И неслучайно с первых же дней основания Временного Народного Комитета Северной Кореи наша народная власть утвердила план проведения научно-исследовательских работ. При этом большое внимание было уделено работе по сохранению культурных памятников и уходу за ними. 29 апреля 1946 г. Временный Народный Комитет Северной Кореи принял «Закон об охране сокровищ, исторических памятников и достопримечательностей». Одновременно во всех провинциях были созданы комитеты по охране исторических памятников, а в 1947 г. в столице страны создан Комитет по охране исторических памятников Северной Кореи. Этим законом и созданными комитетами государство взяло на себя обязанность охранять памятники культуры и запретило их вывоз за границу. Кроме того, в каждой провинции были начаты работы по созданию местных музеев. В 1947 г., наряду с созданием музея в городе Пхеньяне, открылись музеи в городах Синидо, Чендине, Хамхане и на горе Мёхьясан. Это также позволило исследовать и собрать ценные археологические, исторические и этнографические материалы.

Вместе с исследовательской работой шла музейная экспозиция. В результате этого в центральных и районных музеях было экспонировано множество этнографических материалов, в том числе различные виды одежды, народного прикладного искусства, домашняя утварь, производственные орудия и материалы о народных развлечениях. На основе всех этих материалов научные сотрудники приступили к исследовательской работе.